

ПОЧТИ весь XX век мы жили без Николая Гумилева: бесценное наследие поэта оказалось под грифом «Совершенно секретно».

Возвращались к читателю Марина Цветаева, Анна Ахматова, дозаями, потихоньку — Осип Мандельштам, в полный голос заговорил Борис Пастернак, а Гумилев томился в темноте фондов. Лишь в конце 80-х годов вышел к людям этот фантастически одаренный поэт. А в XXI веке наступило время и для выпуска Полного собрания сочинений Н. С. Гумилева в десяти томах. Этим занялись Институт русской литературы (Пушкинский дом в Санкт-Петербурге) и издательство «Воскресенье». Вышло четыре тома, вобравшие в себя все его поэтическое наследие.

Рассыпая звезды и цветы

За год до гибели поэта состоялся его последний творческий вечер в Доме искусств Петрограда. Особенно горячо аплодировали его новым стихам. «Не бояться и делать, что надо», — взывал он к читателям. Любые испытания не страшны, пока живет и бьется «золотое сердце России».

А если любовь — то, как послание с небес, — «рассыпая звезды и цветы». Поначалу эта лирика заговорила письмами с фронта к красавице Лери — Ларисе Рейснер, впоследствии, при Советской власти, комиссару, дипломату, журналисту. «Мой милый, мой возлюбленный!» — восклицала Лариса в ответных письмах.

Гибель Гумилева пережила как личное горе и выплакала свою боль навзрыд: «Если бы перед смертью его видела — все ему простила бы, сказала бы правду, что никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть... Вот и все».

...Так или иначе объясняя расправу над поэтом, твердили более полувека: монархист. Да, поэт гордился тем, что его любили в семье государя Николая II, что царские дочери знали многие его стихи наизусть. Гордился и тем, что еще в молодые годы его прозвали «царскоселом». В Царском Селе прошло его детство, а любовь юного Гумилева к Ане Горенко (Ане Ахматовой) украсили «романтические цветы» царскосельских парков.

И до смертного часа он с восторгом вспоминал весну и лето 1916 года. Будучи контужен да вдобавок и заболев бронхитом, он лежал на излечении в лазарете Большого дворца в Царском Селе. Там же несли службу дипломированные сестры милосердия императрицы Александра Федоровна и две ее старшие дочери, Ольга и Татьяна, принимавшие участие в самых сложных операциях. Младшие, Мария и Анастасия, — такие же прелестные, как и их сестры, — тоже постоянно посещали лазарет, подолгу беседовали с ранеными. По просьбе юных высоких особ читал новую, певучую лирику, а однажды, 5 июня, вручил семнадцатилетней Анастасии поэтическую оду, названную витиевато, в тради-

ЛЮБОВЬ И ТАЙНА Николая Гумилева

Поэт, о котором его современники по Серебряному веку русской поэзии говорили «светлое имя», был арестован и расстрелян 80 лет назад, в августе 1921 года

Николай Гумилев.
Фото 1906 года.

циях Ломоносова и Державина: «Ее Императорскому Высочеству Великой княжне Анастасии Николаевне ко дню рождения». Поэт щедр: оду подписали еще 15 раненых из палаты.

Надо ли говорить о том, что всякое «припоминание» об этих встречах, особенно после расстрела царской семьи, расценивалось как «вылазка врага». Знал ли об этом Гумилев? Думаю, знал. И все-таки публично читал стихи, написанные давным-давно, до Октября, где он предугадал кровавые события революционных лет.

*Манит прозрачность
глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен
этот позор —
Жить, потерявши царя!*

Но очевидно и другое. Николай Степанович не желал участвовать ни в каких заговорах против Советской власти. И писал, что он «вежлив с современностью».

«Не надо бояться»

...Однако пора вернуться в тот ликующий зал, в тот вечер, за год до смерти. Во время перерыва Корней Иванович Чуковский, который описал это в дневнике, подозвал пролеткультовский вожак, безликий стихотворец Павел Арский:

— Заметили?
— Что?

— Не притворяйтесь, Корней Иванович. Почему Гумилеву так аплодируют? Потому, что там говорится о птице. Белая птица, слышите, белая, разорванная, погибшая. Здесь намек... на Деникина. Все и рады.

Чуковский понял, откуда дует ветер. Еще днем он был вызван вместе с театральным художником Мстиславом Добужинским в Наркомат просвещения к Злате Ионовне Лилиной, жене петроградского вождя большевиков Григория Зиновьева.

«...Открылось заседание. На нас набросились со всех сто-

рон. Почему мы не прописаны к секциям, подсекциям, подотделам?

— Мы писатели, этого дела не знаем, — пробовал возразить Чуковский. — У нас — Блок, Гумилев, Замятин... Мы работаем над изданием книг — сто томов — русской и зарубежной классики. Это и будет вкладом издательства «Всемирная литература» в просветительскую работу.

Его не слушали, перебывали. «Особенно горячо говорила одна акушерка — повелительным, скрипучим, аффектированным голосом, — записал в дневник К. И. Чуковский. — Оказалось, что товарищ Лилина, жена Зиновьева. Она и ошарашила словами:

**Так или иначе объясняя
расправу над поэтом, твердили
более полувека: монархист.
Да, поэт гордился тем,
что его любили в семье
государя Николая II.**

— Пригтели буржуазную сволочь. Недобитых монархистов.

Когда Чуковский сообщил об этом Горькому, тот с возмущением сказал:

— Ненавижу их. В их коммунизм не верю.

В который раз друзья посоветовали Николаю Степановичу быть осторожнее. А он — свое: «Не надо бояться».

Но оказалось, что этот бывший рабочий совсем неграмотен. Фамилия Гумилев ему ничего не говорила. Когда литераторы сказали, что арестован поэт, равный по дарованию Александру Блоку, тот брякнул: «Что еще за Блок?» Горячо убеждали, доказывали, что творится страшная неправота, — бесполезно. Тот твердил, как молотком бил по гвоздю: «Разберемся». Ушли ни с чем.

Кто-то предложил идти к Григорию Зиновьеву, главе Петроградского совета... Горький только рукой махнул.

...Лишь в наше время, спустя семьдесят лет, историки, тщательно проанализировав документы, установили подлинно, что все это дело о «Петроградской боевой организации» во главе с тридцатилетним профессором географом

Владимиром Николаевичем Таганцевым спровоцировано от начала до конца. Даже студент-юрист знает, что намерение еще не есть преступление. А всех их расстреляли за намерения. Никаких дел, тем более боевых, за ними не было.

Также стало известно, что, раскручивая это дело, Григорий Зиновьев оправдывался перед Лениным и Троцким за Кронштадт — вооруженное

ждение Гумилева как невинного в таганцевском деле. Горький сам вез документ из Москвы поездом. Опоздал.

Смерть героя

Официальное сообщение о раскрытом контрреволюционном заговоре было опубликовано в «Петроградской правде» 1 сентября 1921 года. Дан список приговоренных к расстрелу членов «Петроградской боевой организации». Всего 61 человек. Краткая биографическая справка о каждом осужденном и суть обвинений. Под номером тридцать значился Н. С. Гумилев.

...Следователь понимающе улыбался. Он явно нравился Гумилеву. С его разрешения подследственному передали томик философа Платона, шахматы, табак, и поэт даже написал на волю единственное письмо с вестью о том, что ему ничего не грозит. К тому же следователь представился «пламенным поклонником» гумилевского таланта. И поэт потерял всякую осторожность.

С восторгом начал вспоминать о визитах императрицы Александры Федоровны, достоинствах великих княжон, даже декламировал стихи, адресованные им. После этого следовало и делать было нечего — перед ним сидел человек, близкий семье «главного преступника России» — императора Николая II. Всякое упоминание даже имени казненного царя со знаком плюс — уже преступление. А здесь — эмоции, восторг, стихи. Нет, этот дворянин и офицер никогда не раскается... И еще одно черное дело легло «в папку» слез и потерь России.

Сестра поэта Александра Степановна первой узнала из газет о гибели брата. «Как скажу я маме?» — твердила она, бегая по комнате и ломая руки. Но Анна Ивановна тоже узнала о постигшем ее горе и, уединившись, выплакивала смерть любимого сына. Ей предстоит выполнить не только роль бабушки, но и роль матери до зрелости Гумилева-младшего. Анна Андреевна Ахматова, еще при жизни Николая Степановича, вышла замуж за другого человека, что и развело свекровь и любимую сноху. Во многом именно Анна Ивановна, женщина умная и властная, истинная дворянка, и воспитала внука Леву, будущего великого ученого Льва Николаевича Гумилева.

Какой-то добрый человек уверил ее, что Николай Степанович не такой человек, чтобы так просто погибнуть, что ему удалось бежать и он, разумеется, при помощи своих друзей и почитателей, проберется в свою любимую Африку. Говорят, эта надежда не покидала Анну Ивановну до самой смерти.

Иван ЖУКОВ.

Николай Гумилев
и Анна Ахматова
с сыном Львом.
Снимок времен
I мировой войны.

«Рад принять все, что мне послано роком»

После ареста поэта встревожился Алексей Максимович Горький: надо спасать. Группа сотрудников издательства отправилась в ЦК Петрограда к самому председателю Семей-

восстание матросов, вчерашних крестьян, в марте того же двадцать первого года против политики «военного коммунизма», которая разорила, опустошила деревню, вызвав самый страшный голод в истории России.

Есть версия, что Горький в Кремле, у Ленина, получил письменное указание, адресованное Зиновьеву, об освобо-